

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.5

Человек и метаморфозы современной социальной реальности

© Д. Т. Лолаева*, Я. И. Санакоева

*Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)
Россия, Республика Северная Осетия-Алания, 362021 г. Владикавказ,
улица Николаева, 44.*

**Email: lolaeva.diana@yandex.ru*

Статья посвящена анализу противоречий современного человека и общества, обусловивших основные причины социально-экономического, социально-политического и социально-культурного противостояния внутри привычного для нас порядка социальной реальности. Основная идея данной статьи заключается в том, чтобы определить источники обострения проблемы антропологической направленности в обществе. По мнению авторов, именно проблема отношения человека к человеку, человека к обществу и сформировала определенный антропологический стиль, который привел к различным метаморфозам социальной реальности: неприемлемости сформировавшегося реального социального бытия с его трагедиями и противоречиями; обострению проблем социальной гармонии; стремлению преодолеть фундаментальные антиномии существования человека в новом мире. Авторами подчеркнута мысль о том, что современный человек оказался в состоянии надрыва от того, что созданный им самим мир стал слишком сложным для понимания, для реализации возможностей, для получения радости от результатов своего труда. На основании проведенного анализа они пришли к заключению, что социальные и духовные изломы сегодняшней эпохи, возникшие из-за социальной апатии и духовного нигилизма, придали антропологической проблематике особую философскую привлекательность. Соответственно возникла необходимость в разработке нового гуманистического подхода, который и обуславливает понимание сущности современного социального бытия человека.

Ключевые слова: человек, социальная реальность, социальный кризис, социальный страх, духовность.

Проблема встроенности человека в социальный мир во многом определяется противоречиями информационно-техногенной цивилизации, которая обостряет вопрос выживания человека не столько в мире, сколько в социуме. Современная социальная реальность – сложное переплетение интеграционных и трансформационных процессов, которые вкупе приводят к углублению неоднородности и создают условия для рождения совершенно новой модели мира, новой общественно-исторической конструкции с совершенно незнакомым нам индивидуальным и общественным сознанием, влияющим на осмысление человеком своего места в мире, на изменения социального и духовного организма человека. Создается иллюзия того, что перед человеком открывается пространство для «новой» жизни, в которой не должно ориентироваться на устаревшие, «отжившие свой век» духовные ориентиры и культурные системы. В подобной искаженной социальной плоскости рождаются многочисленные соблазны, которые влияют и на мировоззрение человека, и на его поведение.

Человек совершает ошибку за ошибкой, все больше погружаясь в состояние забвения себя, своей биосоциодуховной сути. Оказываясь в плену своих заблуждений, человек толкает себя

на преступление против собственной духовно-нравственной сущности, своей совести и ответственности за свои поступки. Формируется некий псевдокультурный образец, основанный на желании обнажить все интимные стороны жизни, распространить поведенческую вседозволенность в отношениях и личных, и социальных, ориентированный исключительно на материальное, но в отрыве от ценностной составляющей. Человек, для которого апелляция к духовному, к совести становится пустой тратой времени, превращается в символ, эталон. Нужно ли его позиционировать как человека, если его мечта быть антропосом, создателем новой повседневности. Именно ему поручено поменять жизненный мир человека и социальную реальность. Происходит рассогласование сущего и должного, как необходимых условий жизненного мира человека. Создавая подобный стиль и опыт, лежащий в основу «эмпирической реальности», человек бросает вызов социуму, становясь для него в очередной раз объективной угрозой «...гораздо более грозной и могущественной, чем ураган и землетрясение» [7, с. 11]. В этом отношении справедливо замечание А. Печчеи: «Корень всех проблем – во внутреннем кризисе самого человека, его разладе с существующим миром, миром, меняющимся прямо у него на глазах. И человек волей-неволей вынужден признать, что ключ к его спасению заложен в нем самом, в его внутренней трансформации» [3, с. 180–181]. С увеличением информационно-техногенного воздействия на человека и общество состояние кризисности внутри социального организма только усугубляется. Человек XXI века отчетливо ощутил на себе страх библейского пророчества «конца времени», которое зловещим эхом разносится повсеместно. Социальный кризис, наполненный духом «конца», придал антропологической проблематике всеобщий характер.

Кризисная ситуация в истории развития человека и общества возникала неоднократно, но сегодня она достигла максимальной остроты, породив антропологический, социальный и экзистенциальный страх, который приобрел глобальный характер. В отличие от предшествующих эпох, человек не может освободиться от него и отыскать выход из созданной им же самим ситуации. Именно это обстоятельство и вызывает интерес современных философов. Например, В. В. Ильин так выразил свое отношение к поднятой проблеме: «Мы оказались в неприглядной ситуации не локального кризиса жизни, не локального кризиса рациональности, но тотального кризиса рационализированной жизни, – кризиса антропоцентричного расчисления, техногенного постава; кризиса универсальной, креативной, цивилизационной силы – рационального конструктивизма с фронтальной проблематизацией родового призвания и отсутствием надлежащей философской программы ее снятия. Небывалое дело! Невероятно, но факт! Впервые в истории мира философия не дает жизненного руководства попавшему в беду человечеству» [1, с. 5]. И если продолжится невнимание и нежелание выработать некое «жизненное руководство», то заключение философа станет страшным диагнозом современного общества. Необходимость в определении условий выживания человека и преодоления им страхов, бросающих его в объятия самых низких инстинктов, становится главным условием преодоления страшной иллюзии, будто отказ от духовного может помочь ему шагнуть в прекрасное будущее. Заложником страхов человек стал в результате того, что отказался от привычных для него духовно-нравственных и культурно-ценностных ориентиров при построении новой социальной конструкции. Подобное поведение привело к уничтожению духовных скреп и стало основанием для усугубления социального кризиса современности. В современных условиях усилилась и социальная паника, мешающая человеку сосредоточиться на нравственности, эмоциональности, творческой активности, поиске гуманистических идеалов.

Создаст ли современный человек для самого себя базу надежд на свое дальнейшее существование в социальном организме или же окончательно разрушит тесные связи между людьми, которые на протяжении длительной истории формировали его метафизическую, экзистенциальную, деятельностную близость с этим миром? С миром, где разум и дух в равной степени влияли и определяли бытие человека в социуме. Откажется ли человек от глобального желания господствовать над себе подобными, через умножение тотальной угрозы сознательного характера, ведущей к отсутствию надежд на дальнейшее существование «неизбранного» большинства? Вот те вопросы, которые определяют контуры будущего развития человека и общества. Потакая же прихоти антропосоциологов современности, мир может навсегда забыть о таких важных составляющих жизни человека и общества, как сохранение национальных интересов и приоритетов, объединение различных культур, конфессий, национальностей, умножение духовных ценностей, а также – о доброте, справедливости, сострадании. Обнажив свои низкие инстинктивные страсти, человек подвел себя к опасной черте. Он предстал перед самим собой слабым существом-антропосом, нацеленным на социальное иждивение, накопление и приумножение материальных благ, их бесконтрольное потребление. В этой гонке человек забыл о мощи своих творческих способностей. Стал ли он интереснее самому себе? Скорее, нужно согласиться с выводом Э. Фромма о том, что главная проблема современного человека состоит в безразличии к самому себе. «Мы лишены совести, это порождает недоверие к своим собственным оценкам и взглядам...» [8, с. 346].

Человек современной эпохи стал ощущать себя беззащитным в социальном мире, пасуя перед лицом трудностей, созданных им же самим в связи с отрицанием того социокультурного опыта, который обогащал его духовно. Выяснилось, что для «нужной формы жизни» [11], особенно внутри социальной системы, оказалось недостаточным накопление только лишь материального, необходимо еще и приумножение духовного, сохранение культурных ценностей, богатства полноты социальных связей. Без них человек оказывается, как совершенно справедливо заметил еще в прошлом веке К. Ясперс, «...либо в состоянии глубокой неудовлетворенности собой, либо отказывается от самого себя» [11, с. 115]. Стало ясно, что для дальнейшего развития общества необходимо гораздо больше, нежели ориентация на приоритеты материального богатства и выгоды, которые перестали решать даже проблемы западного общества (Д. Белл, О. Тоффлер).

Для современного человека, жизненный мир которого зависит не только от внешних, но и внутренних факторов, в равной степени участвующих в формировании экономических, политических, правовых, социальных, культурных оснований, требуются не имитационные формы существования в настоящем и будущем, а реальные, помогающие разобраться в необходимости скреп, поддерживающих его актуальное бытие. Современная ситуация усложнилась тем, что человек оказался в эпицентре социальных деструкций, которые внесли существенные изменения в поведенческие стереотипы, в понимание должного и сущего в его действиях, жизнеутверждениях, вариантах развития социальной системы, выявив причины ее неустойчивости. Возникшие изменения, отраженные в системе чувств, эмоций, жизнедеятельности, повлекли за собой изменения в сознании, которое формирует систему знаний об установленных формах существования человека и общества. В обществе формируется условие, способное повлиять на становление нового уровня выражения социальной сущности субъекта.

Социальная сущность человека может быть очеловечена, а ее носителем выступить конкретный субъект. Более того, качества, необходимые субъекту данной социальной системы,

начнут проявляться не как некая абстрактная сущность, а как персонифицированные атрибуты. Их очеловеченность и конкретность определит эффективность форм социально необходимых интересов и мотивов. Сознание отдельных социальных единиц поэтому и существует не как автономная сфера духовного действия, а как особая окраска существующих в социальном организме идей. Идеи обусловлены совместным существованием социальных субъектов, и не может быть идей, которые можно было бы объяснить только из существования одного из структурных элементов конкретной социальной системы. Сознание социального организма включает в себя идеи всех элементов и отражает их совместное бытие, но сознание каждого из них специфично в том смысле, что идеи общества трансформируются соответственно его особым интересам. Сознание отдельной социальной единицы (группы, индивида) специфично не в том смысле, что оно производит все идеи и взгляды, а в том, что идеи общества отражают его бытие с учетом их существующих интересов.

Социальная сущность субъекта невозможна без конкретного бытия. Жизнедеятельность человека, как известно, осуществляется в рамках социального системного пространства. Здесь же формируется и его жизненный мир. Внутри социального пространства, под воздействием механизмов самоорганизации, происходит изменение видов и форм жизнедеятельности человека, социальных общностей, влияющих на упорядочивание общественной структуры. Общество не может существовать без правил: производства, обмена, потребления, распределения, причем как продуктов, так и действия интересов их осознания. Правила – непреложные условия функционирования социального организма. Они материализуются в практических поступках и деятельности людей. Правила составляют основу социального порядка, который, в свою очередь, предполагает наличие необходимых связей, образующих систему. Может ли существование человека в обществе быть лишено правил? Стремление к положительному решению данного вопроса создает иллюзию развития социального организма как сложной системы. Вместе с тем хотелось бы напомнить, что отказ от правил чреват беспорядком. Беспорядок же не только нарушает, но и изменяет связи внутри системы. А это способно привести к социальному хаосу, т.е. к разрушению социального организма и дезинтеграции системы. Активно участвуя в процессе изменения связей порядок образующих, человек начинает анализировать возникающие вопросы и связанные с ними возможные ответы: «что произойдет, если...», «какую цену придется заплатить для того, чтобы установить новый порядок», «как все это отразится на системе» и т.д. Причем и постановка вопросов, и попытка их анализов, как правило, начинается после вмешательства в тот или иной процесс, в обществе происходящий. И не следует забывать, что общество – самодостаточная социальная система, которая создает предпосылки и условия жизнедеятельности и способная повлиять как на выбор самого человека, так и на тот или иной вариант собственного дальнейшего развития и модель функционирования. Упорядочивание системы не происходит вне-и без устойчивых и необходимых связей. Их разрыв неминуемо ведет к беспорядку, к системному и структурному кризису социальной системы. Хотя и создание новых связей может стать причиной беспорядка. С точки зрения синергетики [10, с. 20–21], общество характеризуется как сложноорганизованная саморазвивающаяся открытая система, включающая в себя людей, социальные общности, объединенные кооперативными, согласованными связями, упорядочивающими процессы саморегуляции, самоструктурирования и самовоспроизведения. Универсальным компонентом всех этих процессов, конечно же, является сам человек, способный изменить сложившийся порядок и обдуманно, и случайно. Но общество отвечает ему, оно принимает своевременные

меры по смягчению кризисов на основе правил и норм, приемлемых для человека. Именно тогда, когда эти правила становятся неприемлемыми, и это чувство неприемлемости старого порядка накапливается, усиливаются – происходит разрушение системной организации, возникают предпосылки к возникновению новой системы. Чем выше в своем развитии находится система, тем сложнее протекают все эти процессы [5, с. 151–160]. Вместе с тем все эти изменения, которые происходят внутри социального организма, могут привести и к модификации старых связей и отношений, которые создавались человеком в результате активной деятельности. Это приводит к социальным трансформациям, которые происходят в большей мере вследствие как обдуманных, так и случайных, неосознанных действий человека. В ходе трансформаций изменяется и социальный организм. И, несмотря на то, что общество – система вне и надиндивидуальных форм, связей и отношений человеком создаваемых в процессе жизнедеятельности – реструктуризация общества происходит под натиском человека: его способности формировать новый порядок, создавать новые ценностные ориентиры и выбирать пути дальнейшего существования. Создание условий для устойчивого развития системы, ликвидация беспорядка и формирование «лучшего порядка» – вот необходимые требования к поведению человека внутри социального организма. В этом смысле справедливо замечание И. А. Ильина: «...порядок... признается лучшим не только для какого-нибудь человека, но и для всех людей...» [2, с. 51]. Порядок для человека, прежде всего, условие для создания необходимых объективных и устойчивых отношений, приводящих к появлению нового. Источником этого условия становятся случайности, которые, накапливаясь и усиливаясь, как раз и приводят к разрушению старого порядка и возникновению новой системы. Фактор случайности не без основания включен в развитие социальной системы: он определяет возникновение нового порядка, определенность и четкость общественной жизни, стабильное развитие социального организма. В таких условиях формируется и нарастает социальное, которое создает общественные отношения, упорядоченные таким образом, что установившиеся между людьми связи начинают определяться их принадлежностью к той или иной общности и определять уровень ее развития. Своеобразной мерой устойчивости социального организма являются и задачи социального преобразования, которые объявляются общими для всех. Но для их решения не предусматриваются общие усилия, поэтому элемент случайности в смысле непредопределенности здесь начинает играть роль социальной трансформации, рождающей страх социального существования.

Как известно, еще в 50–60-х, а затем в 80–90-х гг. XX в. для описания радикальных структурных перемен в обществе исследователи стали использовать понятие «социальная трансформация». Этим термином обозначались исторические перемены, происходившие в европейских странах и бывшем Советском Союзе, детерминированные кризисом социально-экономического и духовно-идеологического характера. Это реформы, революции, гибель системы. Анализ этих процессов не дал продуктивной модели развития общества и плавного его выхода из состояния социального напряжения. Более того, возникла необходимость глобальной трансформации. Глобализация, с одной стороны, заострила внимание исследователей на вопросах сохранения человека, его духовности, идентичности, а с другой – на структурных компонентах современного социума, которые влияют на формирование и развитие индивидуального и общественного сознания, мировоззрения, мышления, самого человека. Именно поэтому изменения, которые происходят в современном мире, становятся источниками интенсифицирования глобальных связей, обеспечивающими координацию жизнедеятельности человека и общества.

Социальная реальность, смоделированная технократами, столкнулась с устойчивыми противоречиями во всех подсистемах общества. Возникшие противоречия и обнажили социальные страхи, которые стали мерилom человеческой жизнедеятельности, его связей с обществом. Диссонанс между производством и потреблением, богатством и бедностью, национальным и корпоративным, материальным и духовным, войной и миром в реальной социальной картине очертил основной круг этих страхов, вызвав серьезные опасения дальнейшего сосуществования человека и общества. Страхи усугубились и на почве роста отчуждения между людьми. Религиозные, расовые, корпоративные разногласия увеличивают разрыв связей, объединявших людей в едином социальном образовании, накладывая отпечаток на бытие и человека, и общества. Но даже при условии деформации взаимоотношений между ними сам факт сосуществования в целостной системе не теряет своего значения. В такой обстановке социальные страхи начинают раскачивать систему, толкая ее к процессам демонтажа и распада, с одной стороны, а с другой – к формированию обновлений социального организма. И всегда остается неразгаданной загадка, какой же вариант развития изберет система.

В XX веке благодаря экзистенциалистам: С. Кьеркегору, К. Ясперсу, М. Хайдеггеру, Ж.-П. Сартру – страх получил онтологический статус в философии. Этой категорией стали обозначать «состояние человеческой души, которое переживается как страдание и выражается в ощущении неудовольствия» [13]. Социальные страхи, как правило, связаны с угрозой изменения и гибели системы. И они усиливаются тогда, когда само существование в обществе для человека становится проблемой. Начинает работать формула, выведенная еще К. Ясперсом: «Существование как таковое вообще превращается в проблему» [11, с. 342]. Происходит это из-за разрушений базовых принципов социальной системы: духовных, экономических, политических, правовых, что ведет к перераспределению функций и изменению регуляторов взаимоотношений людей, общностей, человека и общества, человека и государства. Страх усиливается и из-за того, что человек перестает выполнять обязанности и перед самим собой и перед обществом, «освобождая» себя от духовно-нравственного стержня. На этом фоне расцветают принципы бездуховности, бескультурья, гомосексуальные браки, семьи с одним родителем, экстремистские группировки и многое другое, что и способствует социальному разложению, краху.

Социальные противоречия начинают провоцировать, в т.ч. угрозу и страх применения силы, принуждая человека к определенному поведению. На этом фоне усиливается страх насилия над различными вариантами социальной суверенности. Кроме того, привыкание к насилию, к поддержанию порядка насилием усиливает чувство потери оснований стабильности и упорядоченности социальной системы. Как известно, социальное насилие олицетворяет проявление деструктивности и агрессивности в обществе. Оно деморализует и человека, и общество. Развитие общественного потенциала во многом определяется состоянием социальных ценностей, которые характеризуют жизненные приоритеты и предпочтения социальных субъектов. Более того, они формируют качества, которые выступают не как некая абстрактная сущность, а как персонифицированные атрибуты. По сути, атрибуты и определяют формы напряжения и деструкций в социальном организме. И если социально необходимые интересы и мотивы субъектов начинают зависеть от насилия, как формы удержания общественного устройства, начинается процесс переустройства. Деструктивный характер насилия способствует росту проявления негативных сторон социальных субъектов, которые в современных условиях особенно опасны. Поэтому выжить в чрезвычайных условиях можно через укрепление

социальных ценностей, их конкретизацию в социальных атрибутах, таких как компромисс, диалог, сотрудничество, нацеленных на ограничения деструктивных начал социальных субъектов. Только так можно сделать социальные качества обязательными и необходимыми и ослабить укоренившиеся в сознании мысли об окончательной и необратимой дезорганизации системы.

Все взаимодействующие субъекты социального организма являются феноменами, выполняющими определенные функции и занимающими соответствующее положение в системе. Консолидируясь, они создают необходимые условия для развития социальных ценностей и интересов, которые, в свою очередь, обеспечивают преемственность в сохранении всех имеющихся достижений, а также дают оценку системно-кризисному состоянию общества и вырабатывают необходимые условия выхода из него. С помощью социальных ценностей и интересов общество как сложноорганизованная нелинейная система способно моделировать многовариантные сценарии развития, в т.ч. и в точках бифуркации. Потеря же социальных ориентиров, наоборот, ведет к демонтажу системы. Социальные ценности сдерживают проявления экстремизма и конфликта, соответственно девальвация этих ценностей неминуемо ведет к абсолютизации центробежных устремлений в развитии общества. Социальные преобразования должны осуществляться во имя человека, а не вопреки его природе и сущности, во имя суверенизации тех связей и отношений, которые формируют мировой уровень общественных отношений, а не корпоративный фрагмент их существования. Каждый из субъектов социального организма способен участвовать в моделировании возможных путей развития, соответствующих мировому уровню и его тенденциям. Опасность возникает там и тогда, где и когда усиливаются экономические и политические притязания группы людей, претендующей на собственную исключительную субъектность и творческую активность. Создается негативный фон для преобразования социальной системы, поэтому усиливается платформа социальных противоречий, рождающая чувства дискомфорта в рамках социального организма.

Динамика современных социальных связей и отношений негативно воздействует на восприятие жизненного мира человека. Зависят они и от состояния социальных ценностей, и от расшатавшегося понимания справедливости. Справедливость перестала отвечать требованию соблюдения и реализации должного как неотъемлемого права человека. Стремление людей улучшить свою жизнь и сегодня связывается с совершенствованием социальной системы на «справедливых началах». Когда она перестает проявляться в формах общественных отношений, усиливаются негативные проявления, ускоряющие дезорганизацию системы. При этом нельзя не согласиться с мнением Дж. Ролза о том, что справедливость фиксирует реальное положение человека в обществе. «Каждая личность обладает основанной на справедливости неприкосновенностью, которая не может быть нарушена даже процветающим обществом. По этой причине справедливость не допускает, чтобы потеря свободы одними была оправдана большими благами других. Непозволительно, чтобы лишения, вынужденно испытываемые меньшинством, перевешивались большей суммой преимуществ, которыми наслаждается большинство» [12, с. 18(13)]. Когда эта «неприкосновенность» теряется, действия социальных субъектов оказываются под влиянием деморализующих общество деструкций.

Общество складывалось и продолжает существовать как система взаимодействий, основу которых, с одной стороны, составляет предметно-практическая деятельность людей, а с другой – их социально обусловленная духовная деятельность. Их взаимодействие питало

целостность социальной системы на протяжении всей предшествующей истории. Эта целостность была производна от реальных отношений и поэтому находила свое выражение во взаимосвязи и единстве всех элементов общества. Поэтому особо и не критиковалась марксистская мысль, касающаяся того, что существование живых индивидов является предпосылкой истории. С самого же начала человек бытийствует как существо родовое и реализует себя через свои сущностные силы. Именно эти силы и являются результатом исторического развития человечества и прежде всего – его практической деятельности. Исторические формы деятельности и соответствующие им формы общения определяют, как известно, целостность системы общественных отношений. Одновременно с этим человек существует, развивается и как сущностная часть целого – часть социального организма, связанного и развивающегося в целостном взаимодействии своих системных частей. Существование человека в мире социальном зависит от всех связей: как достойных человека принципов и начал, так и личных влечений и интересов.

Общество всегда существовало как целостная система отношений. У нас нет оснований для построения утверждения обратного содержания. Другое дело, что эта целостность на разных ступенях исторического развития была осуществлена в разной степени, или, по терминологии Гегеля, «положена» неодинаково. В ходе социального прогресса его целостность наращивается, и возрастает роль законов целого по отношению ко всем общественным явлениям. Соответственно этому изменяются и социальные параметры, которые обуславливают социальный прогресс, а также степень консолидации людей внутри социальной системы. Внутри социального организма общественные связи и отношения как раз и становятся основой консолидации, что вытекает из сущности общественных отношений. В современных условиях для качественного обновления отношений нужны идеи диалога, сотрудничества, коммуникативного действия, ненасилия, взаимопонимания, строящиеся не на деморализирующих человека и общество принципах, а на укрепляющих его потенциал базовых духовных началах.

Та часть реальности, которая существует как актуальная форма бытия, вовлеченная в жизнь человека, как известно, именуется жизненным миром. Формирование жизненного мира человека происходит в виде сплава прошлого и настоящего, а также зарождающегося будущего. Ю. Хабермас при характеристике жизненного мира остановился на выделении объективного, субъективного и социального миров [9, с. 157]. Взаимосвязь жизненного мира и человека обоюдна. С одной стороны, человек формирует его посредством своей творческой активности, складывающейся из знаний, опыта, способностей и намерений; с помощью системы внутренних чувств и эмоций. С другой стороны, сформировавшийся жизненный мир определяет поведение самого человека, предопределяет его мотивы, цели, интересы и потребности. Для человека, жизненный мир которого слагается из прошлого и настоящего, определение необходимых условий развития общества выступает как надежда на его дальнейшее существование. К сожалению, в философской рефлексии доминирующую роль заняла картина, не оставляющая места надежде. И ее продолжают питать различные концепции, появившимися еще в XX веке – «конца истории» Ф. Фукуямы, пессимистических утопий О. Хаксли и Дж. Оруэлла, убеждающих нас в том, что любые попытки создать справедливый общественный строй закончатся катастрофой.

Постоянно поддерживая в массовом сознании тревожную атмосферу, где коллективный страх приобретает форму разрушительной идеологии, рождается акультурная идентификационная определенность. Внутри нее происходит переосмысление нормативно-регулятивных

принципов, делая заметными и всеобщими человеческие слабости, позволяющие ему глумиться над устоявшейся моралью, отвергать нравственность, не предлагая взамен никаких конструктивных вариантов, влияющих на баланс сил внутри общества. Более того, формируется представление о том, что «старый» социальный порядок должен быть разрушен.

Таким образом, современный мир, отличающийся невероятной пестротой, сложностью и неоднозначностью, которые были вызваны целым рядом обстоятельств: глобализацией, цифровизацией, технологизацией, социальной апатией и обрушением духовных связей, столкнулся с серьезной опасностью, ведущей к разрушению системы. «Техносфера», «социосфера» и «инфосфера» – это те основные системные компоненты, которые не только претерпевают глубокие изменения, но и способны, по мнению некоторых исследователей, существенно поменять внутреннюю структуру общества и начать работать над созданием новой цивилизации [6]. Назревшая задача социального преобразования обусловлена объективностью общественного развития и является условием социального прогресса. Понятие прогресса в современных условиях должно как никогда раньше прикрыться гуманистической оболочкой. Только это и может способствовать сохранности жизненного мира человека и вывести его из «состояния бездействия» [6]. Ведь активное действие заложено в содержание самого понятия «прогресс». В противном случае не было бы возможности в развитии от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Социальное преобразование, как следствие прогресса – является в т.ч. и новым способом интеграции, новым типом соотношения человека и общества, индивидуального и социального. Это соотношение не может быть лишено социальных противоречий, на решении которых сливаются воедино интересы общественного развития. С одной стороны, прогресс создает предпосылки для развития всех сфер общественной системы, обуславливая рост коллективного сознания, но с другой – снижает индивидуальный вклад в общее развитие, что приводит к социальному иждивению, которые в равной степени способствуют созданию общественно опасной ситуации, чреватой губительными потрясениями. При сокращении условий социальных форм реализации возможностей человека учащаются различного рода конфликты, которые способны привести (и приводят) к изменению общественного строя. Формирование нового общественного строя во многом зависит от того, кто станет носителем социальных трансформаций – пассивно созерцающие за происходящими изменениями субъекты социальной системы или же те, кто занят поиском новых путей, способных изменить параметры общества. И одни, и другие участвуют в создании новых условий существования общества и поиска «конструктивных путей понимания будущего» [6], способных повлиять на направленность совершающихся в обществе изменений. Очевидно одно – только гуманистический подход может обусловить понимание сущности современного социального бытия, которое столь же хрупко, сколь и существование человека в нем. Этот подход способен справиться и с пессимистическими настроениями, настроить на осознание самоценности человеческого существования, создание благоприятных условий для его современного существования и дальнейшего развития.

Интеграционные процессы, начавшиеся в XXI веке, представляют собой во многом новое, специфическое и многомерное явление. Они привели к образованию ранее невиданных факторов. В этих условиях мир по-новому заговорил о человеке, о человеческом потенциале, о его личностном факторе. Стали подниматься и обсуждаться проблемы, связанные исключительно с внутренним наполнением человека, его совместной эволюции. Конечно, современная философия свое основное внимание фокусирует на проблеме человека. Причины этого,

во-первых, в том, что происходят коренные изменения в экономических, социальных, политических и культурных отношениях и процессах в мире, которые идут под воздействием мировоззренческой революции, меняющей человека. Во-вторых, в том, что меняется шкала ценностных установок человека под натиском информатизации и цифровизации. Становление человеческой личности происходит параллельно с научно-техническим прорывом в сфере всех форм его деятельности, социализации и усвоения нового опыта. Различные формы личности человека появляются во времени и пространстве в определенной последовательности – ведь человек всегда является продуктом своего времени и эпохи. В-третьих – в жизни человека наблюдаются серьезные деформации, приводящие к его изменению. С одной стороны, это отражается в сознании, мышлении, культуре, поступках и поведении; а с другой – в отношении с окружающим миром, социумом. В общем все эти причины приводят к изменениям внутреннего мира человека, структуры его мышления в пространстве и времени. Происходит рождение социальных страхов, усиливающих и обнажающих моральное падение поведенческих принципов человека. Под их воздействием создается акультурное пространство, в рамках которого человек становится лишенным культуры, т.е. основного механизма антропологического воздействия и основного способа адаптации человека. Теряются привычные культурные контакты, хотя, К. Поппер, например, считает, что «культурные контакты в рамках роста цивилизаций» и могут приводить к социальному краху [4, с. 364].

Литература

1. Ильин В. В. *Философия кризиса: самосознание человечества в эпоху катастрофических перемен* // *Российский гуманитарный журнал*. 2021. Т. 10. №1. С. 5.
2. Ильин И. А. *Соч. в 10 т.* М.: Русская книга, 1994. Т. 4. С. 51.
3. Печчеи А. *Человеческие качества*. М.: Наука, 1980. С.180–181.
4. Поппер К. Р. *Открытое общество и его враги. Т. 1. Чары Платона* / Под ред. В. Н. Садовского. М.: Феникс, 1992.
5. Рузавин Г. И. *Концепции современного естествознания*. М.: ЮНИТИ, 2000. С. 151–160.
6. Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 2002.
7. Франк С. Л. *Реальность и человек*. М.: Республика, 1997. С. 11.
8. Фромм Э. *Человек для себя*. Мн.: Харвест, 2003. С. 346.
9. Хабермас Ю. *Демократия. Разум. Нравственность*. М., 1995.
10. Хакен Г. *Синергетика*. М.: Мир, 1980. С. 20–21.
11. Ясперс К. *Смысл и назначение истории*. М.: Политиздат, 1991. С. 115.
12. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск: изд-во Новосибирского университета, 1995. С. 18(13). URL: <https://sdinform.org/upload/books/Politologija/spravedlivost/Dzh.Rolz.Teoriya%20spravedlivosti.pdf>.
13. *Современный философский словарь*. 1998. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/article/s/360/strah.htm>.

Поступила в редакцию 06.08.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.5

Man and the metamorphoses of modern social reality

© D. T. Lolaeva*, Ya. I. Sanakoeva

*North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (STU)
44 Nikolaev Street, 362021 Vladikavkaz, Republic of North Ossetia–Alania, Russia.*

**Email: lolaeva.diana@yandex.ru*

The modern world is characterized by an incredible diversity, complexity, and ambiguity caused by a number of circumstances: globalization, digitalization, social apathy, spiritual nihilism, etc. These circumstances have caused the main contradictions that have arisen between a person and society, and have caused a cultural confrontation between economically developed countries and the rest of the world. This has led to various metamorphoses of social reality: the unacceptability of the formed real social existence with its tragedies and contradictions; the actualization of the problems of social harmony; the desire to overcome the fundamental antinomies of human existence in the new world. It brings the aggravation of the problem of anthropological orientation. The authors highlight the idea that the person is in a state of anguish from the fact that the world created by himself became too complicated to understand, to realize opportunities, to get joy from the results of his work. The social and spiritual fractures of modernity have given anthropological problems a special philosophical appeal. Globalization, on the one hand, has focused the attention of researchers on the issues of preserving a person, his spirituality, identity, and on the other—on the structural components of modern society that affect the formation and development of individual and social consciousness, worldview, thinking, and the person himself. This is the reason why the changes that are taking place in the modern world are becoming sources of intensification of global relations that ensure the coordination of human and social life. Modern social reality is a complex interweaving of integration and transformation processes, which together lead to a deepening of heterogeneity and create conditions for the birth of a completely new model of the world, a new socio-historical structure with a completely unfamiliar individual and public consciousness. This affects a person's understanding of his place in the world, changes in the social and spiritual organism of a person. Vast expanses open up before a person, generating numerous temptations that affect his worldview, culture, spirituality, and behavior.

Keywords: human, social reality, social crisis, social fear, spirituality.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Lolaeva D. T., Sanakoeva Ya. I. Man and the metamorphoses of modern social reality // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 266–277.

References

1. Il'in V. V. *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 1. Pp. 5.
2. Il'in I. A. *Soch. v 10 t. [Works in 10 volumes]* Moscow: Russkaya kniga, 1994. Vol. 4. Pp. 51.
3. Peccei A. *Chelovecheskie kachestva [Human qualities]*. Moscow: Nauka, 1980. Pp. 180–181.
4. Popper K. R. *Otkrytoe obshchestvo i ego vragi. Vol. 1. Chary Platona [The open society and its enemies. Vol. 1. The spell of Plato]*. Ed. V. N. Sadovskogo. Moscow: Feniks, 1992.
5. Ruzavin G. I. *Kontseptsii sovremennogo estestvoznaniya [The concepts of modern natural science]*. Moscow: YuNITI, 2000. Pp. 151–160.
6. Toffler A. *Tret'ya volna [The third wave]*. Moscow: AST, 2002.
7. Frank S. L. *Real'nost' i chelovek [Reality and man]*. Moscow: Respublika, 1997. Pp. 11.

8. Fromm E. *Chelovek dlya sebya [Man for himself]*. Mn.: Kharvest, **2003**. Pp. 346.
9. Habermas J. *Demokratiya. Razum. Nravstvennost' [Democracy. Reason. Morality]*. Moscow, **1995**.
10. Haken H. *Sinergetika [Synergetics]*. Moscow: Mir, **1980**. Pp. 20–21.
11. Jaspers K. *Smysl i naznachenie istorii [The origin and goal of history]*. Moscow: Politizdat, **1991**. Pp. 115.
12. Rawls J. *Teoriya spravedlivosti*. Novosibirsk: izd-vo Novosibirskogo universiteta, **1995**. Pp. 18(13). URL: <https://sdinform.org/upload/books/Politologija/spravedlivost/Dzh.Rolz.Teoriya%20spravedlivosti.pdf>.
13. *Sovremennyyi filosofskii slovar'*. **1998**. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/modern/articles/360/strah.htm>.

Received 06.08.2021.